

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Яшенька

Михаил Салтыков-Щедрин
Яшенька

«Public Domain»

Салтыков-Щедрин М. Е.

Яшенька / М. Е. Салтыков-Щедрин — «Public Domain»,

«...Яков Федорович Агамонов, с которым я намерен познакомить читателя, живет в собственной своей усадьбе, Агамоновке, вместе с маменькой своей, Натальей Павловной. Во сколько энергична и мужественна натура Натальи Павловны, во столько же мягок и женствен Яков Федорович. Даже усы как-то плохо растут у него над губою, как будто сознавая, что им место не здесь, а над тонкой и несколько резко очерченной губою Натальи Павловны. Хотя именице, состоящее из двухсот душ, принадлежит собственно Якову Федоровичу, но его не слышно и не видно ни в доме, ни в поле, ни по деревне, а напротив того, повсюду раздается звонкий и несколько грубоватый голос Натальи Павловны. Быть может, по этому-то самому, Яков Федорович, несмотря на свои двадцать пять лет, продолжает быть известным в околотке под детским именем Яшеньки...»

Содержание

I	5
II	8
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Яшенька

I

Яков Федорович Агамонов, с которым я намерен познакомить читателя, живет в собственной своей усадьбе, Агамоновке, вместе с маменькой своей, Натальей Павловной. Во сколько энергична и мужественна натура Натальи Павловны, во столько же мягок и женствен Яков Федорович. Даже усы как-то плохо растут у него над губою, как будто сознавая, что им место не здесь, а над тонкой и несколько резко очерченной губою Натальи Павловны. Хотя именице, состоящее из двухсот душ, принадлежит собственно Якову Федоровичу, но его не слышно и не видно ни в доме, ни в поле, ни по деревне, а напротив того, повсюду раздается звонкий и несколько грубоватый голос Натальи Павловны. Быть может, по этому-то самому, Яков Федорович, несмотря на свои двадцать пять лет, продолжает быть известным в околотке под детским именем Яшеньки.

Вообще, в Яшеньке есть что-то странное, недоконченное. Сероватый цвет лица, тусклые и как бы изумленные глаза грязно-голубого цвета, осененные белыми ресницами, и светлорусые, почти белые волосы сообщают его физиономии тот характер безличности, который так же болезненно действует на нервного человека, как вид ползущего червяка или пробежавшей мыши. И жесты и речь его отличаются безукоризненною рассудительностью, которая, однако ж, близко граничит с тупостью. В словах его нет ни грамматических ошибок, ни бессмыслицы, которая иногда бывает необходимым следствием желания блеснуть остроумием или красноречием; он говорит вообще правильно и складно, но эта правильность возбуждает тошноту, а складность приводит в отчаяние. Тем не менее, так как Яшенька единственное дитя Натальи Павловны, то весьма естественно, что она не слышит в нем души, и не только не замечает его маленьких недостатков, но даже полагает, что они составляют украшение ее семейной жизни.

С самого детства Яшенька оказывал чрезвычайную склонность к благонравию и кротости, и хотя не имел быстрых и выпренных способностей, но был всегда прилежен и выучивал задаваемые уроки с большим старанием. В гимназии, куда он был помещен, впрочем, довольно поздно, Яшенька пользовался любовью учителей, а в особенности воспитателей, которые, как известно, в ребенке всего более ценят благонравие и душевную невинность. Он охотно в рекреационное время играл в лошадки с своими маленькими товарищами, но делал это не как сорвиголова, а просто потому, что, по мнению его и по мнению воспитателей, такое занятие вполне соответствует его нежному возрасту. Но еще охотнее предавался чтению детских книг, которых содержание как раз совпадало с складом его ума. Особенно любил он те повести и сказочки, в которых девочки и мальчики, любящие своих родителей, награждаются лакомыми блюдами. Жизнь представлялась его воображению не иначе, как рядом благонравных поступков с прямым их последствием – яблоками, конфетами и пряниками. В этом маленьком мире, который создавала его фантазия, все было гладко, тихо и благонравно. Маша и Петя звали родителей своих не иначе, как «милый папенька» или «милая маменька»; в день ангела они неупустительно писали к ним поздравительные письма; в свободное от уроков время, вместо того чтоб резвиться, рассуждали о прелести добродетели и гнусности порока и т. д. Слог этих писем и рассуждений сильно поразил его мыслящую способность своею необыкновенною текучестью. Он нередко, хотя и с большим усилием, вытверживал их наизусть и все свое самолюбие ставил в том, чтобы хоть когда-нибудь, хоть со временем, достигнуть возможности выразиться с подобною же рассудительностью и плавностью. И надобно отдать ему полную справедливость: он не только достиг этой цели, но даже перешел за пределы ее, потому что остался ребенком

не формально только, как большая часть героев детских повестей, а действительно, всю внутреннюю свою сторону.

Однако время шло; Яшеньке стукнуло уже девятнадцать лет, и наступила тягостная минута разлуки с стенами гимназии. Оставалось только выбрать дорогу, по которой предстояло совершить то длинное, а иногда и утомительное путешествие, которое называется жизнью. Таких дорог, как известно, имеется две; одна идет направо и называется военной, другая идет налево и называется штатской. Есть, правда, и третья дорога, которая идет как раз посередине, но по ней путешествуют мещане и мужики, и, следовательно, ходить по ней не Яшенькино дело: замарает ножки. Яшенька пожелал идти по правой дороге.

– Милая маменька, – сказал он, зрело обсудивши это дело, – я скоро должен оставить гимназию и моих добрых наставников... Смею испрашивать вашего разрешения, по какой дороге прикажете мне идти?

– А как ты сам думаешь, душенька?

– Я думал сначала в университет, милая маменька, но узнал от достоверных людей, что там очень много пьяниц, и потому опасуюсь, чтобы в таком обществе не пострадала моя нравственность...

– Что это, душечка! будто уж и все пьяницы!

– Не все, милая маменька, но весьма много, тогда как в гусарской службе, как я слышал от тех же достоверных людей, служат все люди, известные своим трезвым поведением...

– Ах, душечка, да ведь там тебя могут убить... подумай об этом!

– Не опасайтесь, милая маменька! я поступлю в такой полк, который никогда в сражениях не бывает... Смею вас уверить, добрая маменька, что я с своей стороны употреблю все усилия, чтобы не огорчить вас потерей сына!

Одним словом, Наталья Павловна не имела сил устоять против желания Яшеньки, и он, немедленно по выходе из гимназии, поступил юнкером в гусарский полк.

Что было бы с Яшенькой, если б он имел возможность продолжать службу, достиг ли бы он известных степеней или, сделавшись забулдыгой, погиб бы во цвете лет от неумеренного употребления пунша? – неизвестно. Дело в том, что спустя три месяца он должен был оставить службу: в это время умер его отец, и Наталья Павловна сочла долгом выписать Яшеньку к себе.

Свидание их было самое трогательное.

– Я буду улаживать каждую минуту вашу! – говорил Яшенька, сжимая в объятиях Наталью Павловну.

Наталья Павловна прослезилась.

– Ах, зачем я еще так молод, что не могу доказать вам на деле, как охотно подвергнул бы себя всем возможным лишениям, чтобы только успокоить вашу старость! – продолжал Яков Федорыч, увлекаясь благородною, великодушно-гусарскою стороною своей роли.

Наталья Павловна зарыдала.

– Маменька! не огорчайтесь! вспомните, что вы христианка! вспомните, что у вас есть сын, которого все благополучие зависит от вас! – снова продолжал Яков Федорыч, уже забыв, что за минуту перед тем он изъяснял намерение успокоить старость своей матери, а не от нее получать успокоение.

– Господи! благодарю тебя! – воскликнула счастливая мать, – Яшенька! ты не оставишь меня! нет, ты не уедешь от меня, друг мой!

– Маменька! я дал себе слово посвятить вам всю мою жизнь, и посвящу ее!

– Яшенька! мой друг! твой отец видит твою жертву и с небеси благословляет тебя!

На другой день, утром, покуда Яшенька спал, весь дом ходил на цыпочках и переговаривался шепотом, а Наталья Павловна в сенях отдавала приказания насчет завтрака и обеда. Наконец Яшенька встал, умылся, помолился богу и облачился в серую шинель.

– Маменька! – сказал он, поздоровавшись с матерью, – позвольте мне разделить ваши заботы по хозяйству!

Наталья Павловна прослезилась.

– Друг мой! – сказала она, – я вижу, что ты меня любишь! возьми в свое распоряжение погреб с винами, но в поле и в деревню я бы тебе ходить не советовала, потому что здоровье у тебя слабое, и ты можешь простудиться!

– Слушаю-с, маменька, – отвечал Яшенька, целуя руку у матери, – позвольте мне, милая маменька, поблагодарить вас за доверенность, которую хотя я и не заслужил еще, но постараюсь заслужить непременно.

И действительно, Яшенька в ту же минуту изъявил желание осмотреть погреб с винами.

– Маменька! мне нужно бы помощника! – сказал он.

– Твой Федька всегда в полном твоём распоряжении, друг мой! – отвечала Наталья Павловна.

Яшенька нашел, что погреб был в большом беспорядке; некоторые бутылки были совсем без этикеток; сорта вин были перемешаны между собой; в нескольких местах бутылки были поставлены в песок не боком, а стоя и частью даже воткнуты горлышком книзу. Все это он на первый раз поспешил исправить, сколько можно.

– Погреб у вас, милая маменька, прекраснейший, – сказал он, воротившись в дом, – но в большом беспорядке... Я надеюсь, милая маменька, что вы позволите мне приказать взять того человека, который от вас был приставлен к винам, и наказать его на конюшне нагайкой.

Наталью Павловну несколько озадачило это предложение.

Кроме того, что она, в сущности, не была зла и не любила попусту прибегать к исправительным мерам, ее испугало поползновение Яшеньки на некоторую степень самостоятельности.

– Ах, друг мой! – сказала она, – я, право, не знаю! Конечно, Степка виноват, однако ж на первый раз можно бы ему только выговорить. Наказывать, мой друг, необходимо, но тоже зря это делать не годится. Вот ты займешься, приведешь все в порядок, и тогда...

– Маменька, вы ангел, я понимаю, что подданные должны, обожать вас! – воскликнул Яшенька, – будьте уверены, что я во всем буду следовать вашим предначертаниям и постараюсь привести свою часть в отличнейший порядок!

И действительно, с этих самых пор никто, кроме Яшеньки, не имел права войти в погреб, в котором он распоряжался как полный хозяин.

II

В неусыпных распоряжениях по погребу протекло для Яшеньки несколько месяцев, в течение которых он был совершенно счастлив. Хотя Наталья Павловна, вообще говоря, была довольна поведением Яшеньки, однако ж, как женщина сметливая, она не могла иногда не задумываться, глядя на него. С одной стороны, как хозяйке и главе дома, ей приходилось чрезвычайно кстати это полнейшее отречение от всяких притязаний на личность; с другой стороны, как мать, она не могла не чувствовать всей несостоятельности подобного существования. И часто, отходя ко сну после дневных забот, она предавалась долгим и мучительным размышлениям об ожидающей Яшеньку судьбе.

– Что-то уж чересчур он у меня смирен, – думала она, – даже занятия себе никакого найти не может, да и говорит как-то скучно...

И перед глазами ее, с изумительной отчетливостью, восставала белесоватая фигура Яшеньки с ее детски рассудительным жестом и детски же ограниченной речью. В ушах ее раздавались даже слова его, но господи! какая тошнота, какая пресность слышалась в этих словах! Как будто из целого лексикона слов он выбрал именно то, что ни для кого не оказалось годным, как будто для него существовал особый синтаксис, который и хорошие, по-видимому, слова посыпал маком и претворял в снотворные.

«Ведь ему, голубчику, не с кем даже слова перемолвить, – продолжала думать Наталья Павловна, беспокояно поворачиваясь на кровати, – ведь этак и в самом деле зачумеешь от скуки...»

И вслед за тем страшное, но, к сожалению, возможное предположение озаряло ее голову.

– А ну, как он взбунтуется! – говорила она уже вслух, – да отнимет у меня имение?..

Предположение было грозное, потому что имение действительно принадлежало не ей, а Яшеньке, и мысль Натальи Павловны усиленно работала, изыскивая средства к рассеянию Яшеньки и устранению опасности. Но она сама жила в такой ограниченной среде, ее собственный мысленный горизонт был так тесен, что, кроме нового блюда, которое на другой день и подавалось за обедом, она не в силах была придумать ничего, что могло бы придать разнообразие существованию Яшеньки. Правда, являлось и еще одно средство, средство тем более простое, что рано или поздно, по самому существу природы человеческой, нельзя было миновать его... Средством этим была женитьба. Но, боже мой, какая кутерьма поднималась в голове Натальи Павловны при этом слове! Господи! в доме заведется молодая хозяйка... Федька и Павлушка, Машка и Аниска, которые в настоящее время трясутся при одном имени Натальи Павловны, необходимо должны будут удвоиться в своем трепете... староста Пахом тоже должен будет принять вид Януса... в комнатах, в которых теперь так просторно, вечно будет нечто постороннее... даже в саду, в деревне, в поле – везде будет смерть и теснота! При одной мысли о таких переменах спина Натальи Павловны покрывалась холодным потом, и образ невестки представлялся ей не иначе, как в виде скелета с раскаленными угольями вместо глаз и железными костями вместо пальцев.

– Да ведь этого не избежишь, однако! – шептал ей тайный неприязненный голос, – нельзя же роду Агамоновых угаснуть без следа... да и имение сделается тогда выморочным...

Эта последняя мысль чрезвычайно пугала ее; казалось нестерпимо, несовместно и дико, что вот триста душ, издревле принадлежавших роду Агамоновых, вдруг очутятся между небом и землею, без звания, без имени, в самом, по мнению ее, ужасном положении. И она вновь обращалась мыслью к женитьбе, перебирала всех соседей, отыскивая между ними барышень помирнее и позолотушнее, но опасение занять в доме второстепенное место все-таки превозмогало все другие расчеты.

– Нет, уж будь что будет, а покуда я жива, не бывать здесь моей злодейке! – говорила она, – вот я умру – тогда пускай живет как знает!

И время шло, не приводя за собой никаких перемен. Но покуда Наталья Павловна сражалась с призраками, Яшенька, ничего не подозревая, продолжал вести свою отшельническую жизнь. Вставши поутру, он отправлялся к месту своего назначения, то есть в погреб, и всегда находил что-нибудь новое, доселе им не замеченное, но тем не менее представляющее обширное поле для дальнейшей деятельности и даже для усовершенствований. Провозившись там часа два, он возвращался домой, завтракал вплотную и отдавал отчет Наталье Павловне в своих занятиях.

– Ну, спасибо, мой друг, – говорила обыкновенно при этом Наталья Павловна, – я очень рада, что тебе со мною не скучно. Ты бы занялся еще чем-нибудь до обеда?

– Я, милая маменька, буду раскладывать пасьянс... Я надеюсь, что не стесню вас в ваших занятиях?

– Ах, что ты, мой друг!.. ты занимайся, не обращай на меня никакого внимания!

Пользуясь этою свободою, он овладевал засаленными картами и начинал раскладывать пасьянс. Не надо, однако ж, думать, чтобы пасьянс служил для него сам по себе целью; напротив того, он видел в нем лишь средство, служившее к разрешению разных волновавших его вопросов и сомнений. Но так как содержание его жизни было до крайности скудно, то весьма естественно, что в воображении его сложилась совершенно особая сфера, в которой за недостатком действительных интересов их место заступили интересы мнимые. Так, например, ему случалось загадывать о том: будет ли он со временем великим полководцем? «Если из трех раз два раза выйдет, – говорил он себе при этом, – то буду; если же нет – стало быть, надо отложить попечение!» Но карты угадывали верно: не быть тебе полководцем! И он не приходил от этого в отчаяние, а только произносил довольно равнодушно: «Не выдрала!» – и принимался гадать на другую тему.

Иногда он воображал себе, что он принц крови и женится на дочери французского короля; все подробности этого сватовства с изумительною точностью обрисовывались в его воображении; он представлял себе даже голубой бархатный, весь облитый золотом мундир, в котором он представлялся к своему будущему тестю. Но карты опять угадывали верно и говорили: «Нет, ты не принц!» И Яшенька опять, не приходя в отчаяние, произносил: «Не выдрала!» – и принимался гадать на то, будет ли он когда-нибудь губернатором?

Таким образом проходило время до обеда; в это время Наталья Павловна возвращалась с поля или из деревни от обычных занятий своих.

– Ну что, Яшенька, занялся ты чем-нибудь сегодня? – спрашивала она, всегда стараясь придать голосу своему ласкающее выражение.

– Как же-с, маменька! Я надеюсь, что когда-нибудь вы удостоите мою часть своим обзором, и уверен, что останетесь вполне мною довольны!

– Ах, душечка, я не о погребке тебя спрашиваю: я уверена, что эта часть у тебя в порядке!

– После занятия моих по устройству погреба я развлекался картами, и смею вас уверить, добрая маменька, что время пролетело для меня незаметно.

Очевидно, Яшеньке прежде всего хотелось успокоить маменьку и заверить ее в том, что ему совсем с нею не скучно. Но это была неправда. Несмотря на бедность внутреннего содержания, которая дает человеку возможность легкого примирения с самою незавидною, самою будничною формою жизни, несмотря на то что, по-видимому, он, по самой природе своей, предназначен был скорее для прозябания, нежели для жизни, – ему было скучно. В нем не могли совершенно смолкнуть те законные требования молодости, которые равно обязательны для всякого существа, носящего человеческий образ, будь он глупый или умный, будь он развитой или неразвитой. Наталья Павловна понимала это и терзалась.

– Тебе, душечка, скучно со мной? – говорила она ему по временам.

Яшенька смушался и краснел при этом вопросе, но не разрешал его прямо.

– Если бы вы, милая маменька, – отвечал он обыкновенно, – удостоили меня своим доверием и поручили мне конный двор?

– Ах, душечка, ты такой слабенький!

– Смею вас уверить, милая маменька, что, служа по кавалерии, я приобрел достаточно опытности, чтобы оправдать ваше милостивое доверие...

– Ах нет, душечка! еще неравно как-нибудь лошадь ушибет! нет, ты лучше отдохни покамест! или вот займись папенькиной библиотекой!

– Слушаю-с, маменька!

Таким образом, вопрос снова устранился на время; Яшенька принимался за папенькину библиотеку, которая, впрочем, оказывалась составленною из одних календарей различных годов и потому не потребовала больших трудов при разборке. Окончив это поручение, Яшенька вновь погружался в праздность и какое-то болезненное уныние; вновь принимался за карты или по целым часам слонялся взад и вперед по комнате, думая какую-то удивительную думу и по временам улыбаясь.

– Ах, Яшенька, ты решительно скучаешь со мной! – снова приступала Наталья Павловна, и в голосе ее слышалось даже некоторое нетерпение.

– Добрая маменька! – отвечал Яшенька, – если б вам было угодно позволить мне поохотиться с папенькиным ружьем, то я мог бы застрелить несколько дичи для обеда и тем хотя несколько отблагодарить вас за все ваши благодеяния!

Но Наталья Павловна бледнела, слушая такие слова, потому что в понятиях ее мысль о ружье фаталистически смешивалась с мыслью о смерти.

– Друг мой! – говорила она, – я уже исполнила однажды твою прихоть, дозволив тебе вступить в гусарскую службу. Но не требуй, не требуй от меня нового испытания... это слишком тяжело!

При виде такого выражения любви Яшенька спешил успокоить маменьку.

– Успокойтесь, милая маменька! – говорил он, – конечно, я, по неопытности, не могу судить, что для меня прилично и что не прилично, но я дал себе слово всегда руководствоваться вашими благоразумными советами и сдержу его... Я надеюсь, милая маменька, что вы не оставите меня?

И таким образом, все попытки создать какое-нибудь занятие для Яшеньки остались неудачными, и он фаталистически поставлен был в положение человека, которому нет места на жизненном пире.

Однажды, однако ж, Наталья Павловна вошла в комнату Яшеньки как-то особенно весело. На лице у нее было написано нечто замысловатое, и по всему можно было догадываться, что она имеет объявить ему какой-то сюрприз.

– Ну что, дурушка, не скучно тебе? – спросила она.

– Я, милая маменька, никогда не могу скучать в вашем обществе!

– А я, душечка, для тебя сюрприз приготовила!

– Позвольте мне, милая маменька, узнать, в чем заключается этот сюрприз. Впрочем, может быть, мне не следует знать об нем прежде времени?

– Я пригласила на завтра нашего нового священника, отца Алексея, к нам на целый день; он будет со своею матушкой... Ты займешь их, душечка, а между тем и сам развлечешься.

Первою мыслью Яшеньки было осведомиться, молода ли и хороша ли собой матушка попадьа, но он тут же вспомнил, как его учили в гимназии, что прежде нежели сказать слово, непременно следует покусать язык, и потому не сказал ничего, а только молча поцеловал у Натальи Павловны руку.

– Да ты, кажется, недоволен, душечка? – сказала Наталья Павловна, зорко следя за выражением его лица и невольно сообщая своему голосу строгое выражение.

– Я, милая маменька, напротив того, употреблю все усилия, чтобы занять дорогих гостей, и мне очень прискорбно, что вам угодно было усомниться в этом!

На другой день действительно явился отец Алексей с своей попадьей. Отец Алексей был молодой священник, и потому охотно украшал свою речь уподоблениями, взятыми из мира нравственного; попадья была также не старше двадцати лет, но не имела никакой характеристической особенности, кроме того, что застенчиво вертела в руках клетчатый носовой платок.

– Ну, Яшенька, покажи дорогим гостям твою усадьбу! – сказала Наталья Павловна после взаимных приветствий.

– Любовались, сударыня, еще издали любовались на ваше жилище, – отозвался отец Алексей, вынимая из бокового кармана носовой платок и отирая им пот на лице, – по здешнему месту, можно прямо сказать, никто супротив вас относительно благолепия сравниться не может. Храмина добрая и жителя доброго возвещает...

Попадья хотя ничего от себя не присовокупила, однако улыбнулась.

– Да; я, благодаря бога, на этот счет очень счастлива, – сказала Наталья Павловна, вздохнув и окидывая, через окно, взором окрестность, – все у меня есть...

– У хозяина, пекущегося не об одном только настоящем дне, но и о днях грядущих, все преизбыточествует, сударыня! земля рождает сторицею, житницы исполняются всяким благоволением, самые домочадцы и рабы распложаются во множестве...

– Это правда, батюшка; бог любит труды; я вот про себя скажу: никогда я не бываю так счастлива, никогда совесть моя не бывает так спокойна, как в то время, когда я тружусь... так, знаете, и колышется там все...

Наталья Павловна показала рукою на грудь и несколько даже прослезилась при этом.

– Так поди же, друг мой, – продолжала она, обращаясь к Яшеньке, – покажи дорогим гостям твою усадьбу... вы у меня именно дорогие гости, батюшка с матушкой; я с светскими удовольствиями давно распростилась... вот божественное – это по мне!

Яшенька, как и следовало ожидать, прежде всего повел гостей в погреб с винами.

– Я должен вас предупредить, батюшка, – сказал он, заметно конфузясь, – когда я прибыл к маменьке в дом, погреб этот был в самом ужасном беспорядке... Все, что вы здесь ни видите, все это заведено уже мною.

– Порядок в жизни едва ли не главное мерило, по которому мы можем судить о достоинствах человека, – отвечал отец Алексей, – без порядка всякое человеческое предприятие подобно зданию, на песке построенному.

Матушка улыбнулась и, отвернувшись, для учтивости, в сторону, утерла платком нос. Яшенька подробно объяснил как то, что им уже сделано, так и то, что предполагается сделать на будущее время по устройству винного запаса.

– Теперь, батюшка, пойдемте в сад: вы увидите, как у нас там хорошо! – сказал Яшенька.

И действительно, в саду оказалось очень хорошо.

Яшенька, как учтивый кавалер, сорвал цветок барской спеси, поднес его матушке и затем просил гостей обратить внимание на искусство, с которым подстрижены липки.

– Да; мастер изрядный делал! – отозвался отец Алексей и, обратившись к попадье, прибавил: – Наш с тобой дворец небось похуже этого будет!.. изукрашено как!

Но всего более впечатления произвел поставленный у беседки гипсовый турок, с трубкою в руках.

– Ну что, дурак, что ты тут стоишь! – сказал Яшенька, ласково трепля турка по животу.

Наконец все было осмотрено, кроме конного двора, в который Яшенька не имел входа; гости возвратились в дом, пообедали и в скором времени собрались восвояси.

– Я надеюсь, мой друг, что ты не скучно провел время сегодня? – сказала Наталья Павловна, когда гости ушли.

– Я, милая маменька, всякий знак вашего внимания готов принять как величайшую для меня милость, – отвечал Яшенька, целуя у матери руку.

– Ты, кажется, недоволен? – спросила строго Наталья Павловна, которой показалось, что в лице Яшеньки не выражается достаточно признательности.

Но Яшенька, в сущности, не был ни доволен, ни недоволен: он просто отвык от людей, которых общество, вследствие этой отвычки, скорее составляло для него тягость, нежели развлечение. Он до такой степени сжился с своим одиночеством, что с болезненным нетерпением отзывался на всякий внешний толчок, который пробуждал его от нравственного оцепенения. По целым часам он ходил по комнате, не имея, по-видимому, никакой мысли, потупив глаза и только изредка улыбаясь.

«Господи! что же с ним будет!» – думала Наталья Павловна, с беспокойством следя за его движениями и убеждаясь, что общество отца Алексея не производило в Яшеньке никакой перемены.

И вот в один прекрасный день светлая мысль озарила ее голову.

– Душенька, – сказала она Яшеньке, когда он пришел пожелать ей доброго утра, – я все думаю, как бы мне рассеять тебя... Не хочешь ли съездить в гости к Табуркиным?

– Если это может доставить вам удовольствие, милая маменька, то я готов исполнить вашу волю во всякое время, – отвечал Яшенька.

III

Табуркины жили неподалеку, всего каких-нибудь в трех верстах. Семейство это состояло из мама Табуркиной, ее сына и двух дочерей, из которых старшей было лет двадцать пять, а младшей около семнадцати. Дом этот в околотке известен был под названием женского монастыря, потому что в нем, кроме женщин, никого нельзя было встретить. Даже Васе Табуркину прислуживали горничные, чему он был с своей стороны очень рад, находя в этом свой расчет. Такое отсутствие мужчин злоречивые соседи приписывали чрезвычайной заботливости мама Табуркиной о репутации ее дочерей, потому что старшая, Мери, имела уже однажды какую-то темную историю, *à propos d'un beau raznostchik*, которому будто бы она предлагала бежать, обвенчаться в соседнем селе и поселиться в хижине на берегу прозрачного ручья. Мери была высокая и стройная брюнетка, с выразительным лицом и еще более выразительной походкой. Сверх того, у Мери были живые карие глаза, которые она постоянно прищуривала под предлогом близорукости, а в самом деле потому, что была уверена, что это к ней идет. Что касается до второй дочери, Aimée, то хотя ей уже было около семнадцати лет, но мама Табуркина решила до последней крайности держать ее в панталонцах, дабы через это заявить всем женихам, что взоры их должны быть исключительно обращены на Мери. Aimée была недурна собой и лицом напоминала Мери, но положение ее было незавидное. Быть осужденною ходить в панталонцах до тех пор, пока старшая сестра не выйдет замуж, – воля ваша, это невыносимо. Мама Табуркина сознавала это и неоднократно покушалась даже выпустить запас, который, на всякий случай, был всегда оставляем в платьях Aimée, но едва отдавала она соответствующее приказание, как Мери приходила в неистовство и положительно требовала отмены его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.